

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: УРОКИ ИСТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА

М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»)

Крюкова О.С., заведующая кафедрой словесных искусств,
МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье анализируется репрезентация национальной идентичности в романе М. Булгакова «Белая гвардия». На литературном материале рассматриваются такие доминанты национальной идентичности, как денежные знаки, язык, национальный костюм.

In the article the author analyzes the representation of the national identity in the novel “The White Guard” by M. Bulgakov. Using the literary material written by M. Bulgakov the author studies such dominant traces of the national identity such as bank notes and coins, language, and national costume.

Ключевые слова: Национальная идентичность, государственность, нация, творчество М. Булгакова.

National identity, nation, statehood, the work of M. Bulgakov.

Национальная идентичность сегодня изучается с точки зрения этнологии, культурологии, политологии и других гуманитарных дисциплин. «Идентичность нации – это осознание нацией себя как коллектива, отдельного и отличного, с одной стороны, от других наций, а с другой стороны от других организаций...», – небезосновательно утверждает Д.А. Шевлякова[7, с. 6]. Обретение новой национальной идентичности идет параллельно с утверждением новой государственности, что показывает как пример Италии после Рисорджименто, так и постсоветской России. На постсоветском пространстве эти процессы принимают особо болезненную форму, и здесь самоосознание наций не просто происходит мучительно, а сопровождается губительными межэтническими и межъязыковыми конфликтами.

Между тем, многие события современности имеют исторические параллели. Так, новейшая история Украины вызывает ассоциации, которые закреплены в массовом сознании посредством известных литературных произведений. Это прежде всего роман М.А. Булгакова «Белая гвардия» и созданная по его мотивам пьеса «Дни Турбиных». Эти произведения достаточно изучены, но преимущественно с точки зрения литературоведения. Попробуем посмотреть на них с точки зрения смежных гуманитарных наук.

Сюжетную основу романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» составили известные события, которые были связаны с последствиями Брестского договора. Историческая канва романа сочетается с социологической точностью, что подчеркивают многие исследователи: «Булгаков социологически точно показывает массовые движения эпохи. Он демонстрирует вековую ненависть крестьян к помещикам и офицерам и только что возникшую, но не менее глубокую ненависть к немцам-оккупантам. Все это и питало восстание, поднятое против немецкого ставленника гетмана П.П. Скоропадского лидером украинского национального движения С.В. Петлюрой»[6, с. 54].

Хронологические рамки романного времени несколько отличаются от реальных: момент ухода Петлюры сдвинут с 5 февраля на 2 февраля 1919 г., таким образом, события в «Белой гвардии» разворачиваются с кануна Рождества по Сретение, когда героям предстоит судьбоносная встреча со своим неясным, но прогнозируемым будущим. На цивилизационном сломе булгаковские герои остро и болезненно ощущают утрату своей гражданской идентичности (приход Красной Армии для них неизбежно повлечет не просто потерю прежнего социального статуса, а превращение в изгоев, в «социальный ноль»). При новой власти они, как минимум, потеряют право участвовать в выборах, а возможно, будут обвинены в контрреволюционном заговоре со всеми вытекающими последствиями. Поэтому писатель сознательно останавливает романное действие, побуждая читателя размышлять над дальнейшей судьбой героев самостоятельно.

География и топография булгаковского романа подробно описаны в научной литературе [4]. Действие в романе происходит в Киеве, но сам город называется просто Город, который, что подчеркивают многие исследователи, являет миру черты то Рима, то Иерусалима, то многогрешного Вавилона. «Город в романе Булгакова «Белая гвардия» представляет собой сложную структуру, состоящую из элементов легендарных городов, которые создают в его пространстве особенные мифы», – подчеркивает И. Панко [5, с. 138]. Замкнутость холодного зимнего Города противопоставляет его «благодатной Украине» [1, с. 279]. Сам Город («... старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо...» [1, с. 179] находится в момент романного действия тоже на Украине, но другой, какой-то с виду ненастоящей, судорожно пытающейся обрести новую идентичность.

Доминантами этой новой идентичности являются в первую очередь язык, элементы национального костюма и денежные знаки. Впервые языковая тема в трагикомическом аспекте появляется применительно к лингвистическим упражнениям Тальберга: «Николка Турбин однажды улыбнулся, войдя в комнату Тальберга. Тот сидел и писал на большом листе бумаги какие-то грамматические упражнения, а перед ним лежала тоненькая, отпечатанная на дешевой серой бумаге книжонка:

«Игнатий Перепилло – Украинская грамматика» [1, с. 197].

В комментариях к роману указывается, что М.А. Булгаков, по-видимому, имеет в виду книгу: Терпіло П. і П. Українська грамати́ка. Київ, 1918.

Языковая тема продолжается в гневном монологе Турбина-старшего («Я позавчера спрашиваю эту каналью, доктора Курицького, он, изволите ли]видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года» [1, с. 209]) и достигает трагикомической кульминации уже в пьесе «Дни Турбиных». В очерке М.А. Булгакова «Киев-город» языковая неразбериха, отражающая неупорядоченность всего и вся, окрашивается в иронические тона: «Ежели я заблуждаюсь в этом

случае, то в основном я все-таки прав – можно установить единообразие. По-украински, так по-украински. Но правильно и всюду одинаково.

А то что, например, значит «С.М.Р. іхел»? Я думал, что это фамилия. Но на голубом фоне совершенно отчетливы точки после каждой из трех первых букв. Значит, это начальные буквы каких-то слов? Каких?

Прохожий киевлянин на мой вопрос ответил:

– Чтоб я так жил, как я это знаю» [2, с. 311].

Смешение языков в романе «Белая гвардия» может нести реальную угрозу: на смеси языков изъясняется один из грабителей, жертвой которых стал Василиса: «Он говорил на страшном и неправильном языке – смеси русских и украинских слов, – языке, знакомом жителям Города, бывающих на Подоле, на берегу Днепра...» [1, с. 368] Да и Петлюра диктовал «своим писарям и адъютантам на странном языке, в котором с большим трудом разбирался даже сам Перепилло» [1, с. 198]. Вспомним, что нормализация языка обычно соответствует укреплению государственности. В булгаковском же романе запечатлен момент крушения одной государственности, ростки другой на фоне цивилизационного слома, и поэтому язык здесь является индикатором социальных изменений.

Элементы национального украинского костюма в булгаковском романе с точки зрения стилистики русского языка представляют собой синекдоху, которая акцентирует в тексте одну, но характерную и выразительную деталь («шаровары при немцах были очень тихие» [1, с. 197]). Эта историческая деталь предварительно объясняется читателю: «Когда же к концу знаменитого года в Городе произошло уже много чудесных и странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего, что они останутся здесь, в Городе, ибо это их Город, украинский город, а

вовсе не русский, Тальберг сделался раздражительным и сухо заявил, что это не то, что нужно, пошлая оперетка»[1, с. 196-197].

Денежные знаки с национальной символикой также являются одной из доминант национальной идентичности, но в романе «Белая гвардия» новые бумажные деньги оказываются фальшивыми. Василиса, он же бывший инженер Лисович, а в смутное время – председатель домового комитета, внимательно рассматривает новые денежные знаки, которые на первый взгляд обладают всеми признаками настоящих банкнот: «В ящиках прозвучало нежно, и перед Василисой на красном сукне пачки продолговатых бумажек – красный игральный крап:

Знак Державної скрабниці

50 карбованців

Ходит нарівні з кредитовими білетами.

На крапе – селянин с обвисшими усами, вооруженный лопатой, и селянка с серпом. На обороте, в овальной рамке, увеличенные, красноватые лица этого же селянина и селянки. И тут червячками усы вниз, по-украински. И надо всем предостерегающая надпись:

За фальшування карається тюрмою,
уверенная подпись:

Директор державної скрабниці Лебідь-Юрчик» [1, с. 203].

К досаде Василисы, новые деньги (созданные по рисунку известного художника Г.И. Нарбута) обнаруживают явные признаки подделки: «Голубые глаза Василисы убойно опечалились. В третьем десятке – раз. В четвертом десятке – две, в шестом – две, в девятом – подряд три бумажки несомненно таких, за которые Лебідь угрожает тюрьмой. Всего сто тринадцать бумажек, и, извольте видеть, на восьми явные признаки фальшування. И селянин какой-то мрачный, а должен быть веселый, и нет у снопа таинственных, верных – перевернутой запятой и двух точек, и бумага лучше, чем лебидевская. Василиса глядел на свет, и Лебідь явно фальшиво просвечивал с обратной стороны» [1, с. 204]. Фальшивые

деньги в булгаковском романе – явный признак и неустойчивости очередной власти, и иллюзорности мира в целом. Псевдореальность оборачивается то Апокалипсисом, то гибнущей Атлантидой, на что намекают многочисленные литературные и историко-культурные реминисценции и отсылки в тексте[3].

Новая, непонятная и пугающая реальность существует в мире булгаковского романа на фоне воспоминаний о «потерянном рае» – «благодатной Украине». В пространстве булгаковского романа «потеря» земного рая произошла в огне революции и Гражданской войны, но воспоминания об этом земном рае еще слишком свежи, а утрата слишком тяжела: «Столбы зноя над червонными украинскими полями. В пыли идут пылью пудренные юнкерские роты. Было, было все это и вот не стало. Позор. Чепуха»[1, с. 185].

Вернемся к доминантам национальной идентичности. В литературном пространстве романа «Белая гвардия» они представлены еще «местами силы», т.е. местами исторической памяти, воинской славы и т.п. О славном историческом прошлом, помимо упоминания Запорожской Сечи, свидетельствует прежде всего Владимирская горка с памятником князю Владимиру и крестом, сияющим электрическим светом. Памятник с «электрическим» крестом несколько раз упоминается и описывается в романе, а в конце его становится символом грядущих испытаний: «Над Днепром с грешной и окровавленной снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч» [1, с. 428].

Таким образом, в романе Булгакова показано, как в огне революции и Гражданской войны в муках рождается новая социальная реальность, вмещающая в себя и национальную, и гражданскую идентичность. Элементы новой национальной идентичности изображены исторически достоверно и реалистично. Новая идентичность чужда Турбиным, которые, тем не менее, вызывают чисто

человеческое сочувствие и у автора, и у читателей. Их беда лишь в том, что они посетили этот мир «в его минуты роковые» (Тютчев).

Литература

Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А Собр. соч. в пяти тт. Т.1. М.: Художественная литература, 1992.

Булгаков М.А. Киев-город Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А Собр. соч. в пяти тт. Т.2. М., 1992. С. 307-316.

Менглинова Л.Б. Апокалиптический конфликт в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2009. № 1. С. 137-144.

Нилова С.В. Время и пространство в произведениях М.А. Булгакова 20-х годов // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. №41. С. 63-65.

Панко И. Многоликость булгаковского города в романе «Белая гвардия»// Художественная литература как культурный ансамбль: Сборник статей IIМеждународной конференции, посвященной Году литератур в России. Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино», 2016. С. 138-148.

Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид; Миф, 1998. 592 с.

Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. М.: Университетская книга, 2011. – 496 с.